

Н. Б. Бурдо

К. В. Зиньковский — исследователь Триполиады

Keywords: South-East Europe, Eneolithic, Tripolye culture, house construction, dwellings, K.V. Zinkovsky.

Cuvinte cheie: Europa de Sud-Est, eneolitic, cultura Tripolie, construcția locuințelor, locuințe, K.V. Zinkovsky.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, энеолит, трипольская культура, домостроительство, жилища, К. В. Зиньковский.

N. B. Burdo

K. V. Zinkovsky — Explorer of Tripoliada

The article is devoted to consideration of the role of well-known Ukrainian archaeologist K.V. Zinkovsky in studies of architecture of the Cucuteni-Tripolye culture. The history of investigation of the problem in question is briefly discussed. It is shown that K.V. Zinkovsky introduced a new conception to the interpretation of building remains of Cucuteni-Tripolye dwellings which was strongly different from reconstructions dominated until seventies of the last century. It has been recognized that most of Cucuteni-Tripolye surface houses had two- or even three-storey construction and wattle-and-daub walls although one-floor buildings also existed. The second important inference concerns the problem of destruction of the houses. According to the researcher's opinion they were deliberately destroyed by conflagration due to ritual activities.

N. B. Burdo

K. V. Zinkovsky — un cercetător al Tripoliadei

În acest articol este apreciat rolul bine-cunoscutului arheolog ucrainean K.V. Zinkovsky în studierea arhitecturii culturii Cucuteni-Tripolie. Pe scurt, este conturat istoricul cercetărilor construcției locuințelor acestei culturi. Se arată, că K.V. Zinkovsky a înaintat o nouă concepție în interpretarea resturilor de locuințe tripoliene, care era considerabil diferită față de acele reconstrucții, ce dominau până la începutul anilor 70 ai secolului trecut. Cercetătorul a reușit să stabilească, că o mare parte din locuințele tripoliene aveau două sau trei etaje, fiind înzestrate cu pereți din lut ars. A doua concluzie importantă se referă la problema distrugerii așezărilor tripoliene. După opinia lui K.V. Zinkovsky, acestea erau arse intenționat în cadrul unui ritual.

Н. Б. Бурдо

К. В. Зиньковский — исследователь Триполиады

Статья посвящена оценке роли хорошо известного украинского археолога К. В. Зиньковского в изучении архитектуры культуры Кукутень-Триполье. В работе кратко приводится история исследования проблемы трипольского домостроительства. Показано, что К. В. Зиньковский выдвинул новую концепцию в интерпретации строительных остатков трипольских домов, которая значительно отличалась от реконструкций, доминировавших до начала 70-х годов прошлого столетия. Исследователем было установлено, что значительная часть трипольских жилищ имела двух- или трехэтажную конструкцию и глинобитные стены. Второй важный вывод касается проблемы разрушения трипольских поселений. По мнению исследователя, они были преднамеренно сожжены в ритуальных целях.

Земли Триполиады не найдешь в исторических атласах, потому что история этой земли еще только пишется. Более века прошло со времени первых открытий в 70-е годы XIX столетия древностей, оставленных земледельческими племенами, заселявшими лесостепные просторы от Карпатских гор до берегов Днепра шесть-пять тысяч лет тому назад (Przybyslawski 1879; Хвойка 1901; Вовк 1905). Представители различных стран, десятки известных или почти забытых в наши дни ис-

следователей уже свыше ста лет вносят свою лепту в открытие все новых страниц истории земли Триполиады. Среди многих имен трипольской историографии теперь уже почти затерялось имя Константина Владимировича Зиньковского — яркой фигуры в трипольеведении второй половины XX века.

Научная биография К. В. Зиньковского (Черняков 2004) довольно коротка, но тематически многопланова и насыщена. Она связана с его работой в 1970—1980 гг. в Одесском

археологическом музее АН УССР и в Отделе археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии АН УССР. В значительной степени эта научная биография отражает многие черты эпохи двух последних десятилетий прошлого столетия, свидетельствуя о состоянии и уровне советской археологии в области изучения первобытности. Единое научное пространство СССР обеспечивало пересечение и плодотворное сотрудничество многих научных школ и центров, что в полной мере проявилось в исследованиях К. В. Зиньковского.

Основным направлением исследований К. В. Зиньковского было изучение проблем трипольского домостроительства. Именно этой теме было посвящено большинство его работ и кандидатская диссертация, завершенная к 1983 г.

На первый взгляд кажущаяся частной, проблема трипольского домостроительства в действительности была и остается краеугольным камнем трипольеведения в целом, с момента открытия трипольской культуры и до сегодняшнего дня. Это обусловлено тем, что на интерпретации остатков построек в виде «площадок», являющихся преобладающими объектами раскопок трипольской археологии, завязана реконструкция многих аспектов истории древних земледельцев. Вклад К. В. Зиньковского именно в эту проблематику достаточно весомый, но не всегда оцененный в современных исследованиях по домостроительству (Бурдо 2012). Представляется, что детальный анализ разработок трех последних десятилетий XX и начала XXI вв., связанных с трипольской архитектурой, позволяет проследить развитие идей, относящихся к трипольскому домостроительству, и роль К. В. Зиньковского в исследованиях этой проблемы.

Подробный анализ историографии проблемы интерпретации площадок и реконструкции трипольских жилищ изложен в ряде работ (Бурдо 2006: 17—21; 2007: 29—34). Ключевыми в данной дискуссии являлись два главных момента: обжиг остатков глиняных конструкций постройки и принцип ее возведения. Мнение о ритуальном использовании огня и назначении построек исчерпывающе представлено в интерпретации площадок В. В. Хвойкой. Многие исследователи в конце XIX — начале XX вв. независимо друг от друга высказывали аналогичные предположения. Интерпретация же площадки как особой конструкции пола дома принадлежит Н. Ф. Беляшевскому (Беляшевский 1900). Впоследствии именно она легла в осно-

ву концепции интерпретации площадок Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек, которая господствовала в трипольеведении до 70-х годов XX века.

В то же время, исследователи, работавшие на территории современной Западной Украины, входившей в начале XX столетия в состав Польши и Австро-Венгрии, не пользовались концепцией Беляшевского при интерпретации материалов раскопок. Так, Л. Козловский, на основании анализа материалов раскопок начала XX столетия в Галиции, предполагал наличие у трипольцев жилищ разного типа. Залегания обожженной глины он считал остатками перекрытий построек, в том числе и свайной конструкции, а их обжиг — результатом ритуального сожжения дома после смерти его хозяина (Kozłowski 1930: 18—31). В тот же период и в том же регионе О. Кандыба интерпретировал раскопанные им на поселении Ланивцы площадки как остатки потолков в виде деревянного настила, обмазанного глиной, происходящие от построек разного назначения, сгоревших в пожаре (Кандыба 2007: 336—338).

Следует отметить, что работы Л. Козловского и О. Кандыбы были малодоступны и неизвестны большинству советских ученых. К. В. Зиньковский упоминает точку зрения Л. Козловского, но, в целом, эти идеи остались незамеченными исследователями домостроительства Триполья. Это обстоятельство весьма досадно, потому что выводы Л. Козловского о ритуальном сожжении трипольских жилищи О. Кандыбы об их конструктивных особенностях и гибели в пожарах, по сути, предвосхитили главные положения концепции трипольского домостроительства В. И. Маркевича и К. В. Зиньковского, хотя и были изложены за сорок лет до появления первых публикаций авторов новой концепции интерпретации площадок.

Основанная на идее Н. Ф. Беляшевского концепция домостроительства была разработана преимущественно Е. Ю. Кричевским, в связи с раскопками Трипольской экспедиции 30-х годов XX века, которая проводила исследования под руководством Т. С. Пассек в Среднем Поднепровье, т. е. именно в тех местах, где работал В. В. Хвойка (Відейко 2004: 541). В центре концепции Кричевского-Пассек, оформленной к 1940 г. и нашедшей отражение во множестве публикаций, была интерпретация площадок в качестве остатков жилищ, а не ритуальных построек, как предполагал В. В. Хвойка. Данная идея была безоговорочно принята в тогдашней научной среде, и ее уже никто больше не оспаривал.

Принцип реконструкции трипольских жилищ (Пассек, Кричевский 1946; Пассек 1949: 83, 133, 136) на основании интерпретации площадок как полов построек преобладал в публикациях материалов раскопок трипольских поселений.

Отметим, что концепция Кричевского-Пассек основывалась главным образом на материалах трипольских поселений, исследованных на территории Украины, в особенности в период с 1934 по 1940 год, поскольку большинство памятников Триполья на территории Молдавии были открыты уже в послевоенный период. Именно с именем Т. С. Пассек связаны первые ширококомаштабные полевые исследования трипольских поселений в этом регионе, начавшиеся в 50-е годы XX века.

Одним из участников тех исследований был В. И. Маркевич, впоследствии сам возглавлявший экспедиции на трипольских поселениях. Именно он впервые предложил иную интерпретацию площадок, рассматривая глиняные завалы на поселении Варваровка VIII, а позже и Варваровка XV, как остатки перекрытий жилищ (Маркевич 1964; 1970: 349; 1972: 50), а не обожженных кострами полов. Эта идея стала ядром новой концепции трипольского домостроительства. В. И. Маркевич первым обратил пристальное внимание на отпечатки деревянных конструкций, сохранившихся на глиняной обложке и позволяющих судить о конструкции «потолочного или межэтажного перекрытия», а также установил наличие деталей интерьера жилищ и раздавленных сосудов под слоями обожженной глины (Маркевич 1972: 56—57). Необходимо подчеркнуть, что в первых публикациях В. И. Маркевича обжиг глиняных конструкций домов и некоторых находок объясняется действием пожара; об этом упоминается вскользь в описании результатов раскопок на одном из жилищ поселения Варваровка XV (Маркевич 1972: 51).

Подробное изложение идей, связанных с домостроительством, было предложено В. И. Маркевичем несколько позже (Маркевич 1981: 75—88), причем автор специально оговаривал, что он не оспаривает правильности выводов Т. С. Пассек об интерпретации площадок, исследованных на Украине, а только излагает результаты своих наблюдений на жилищах, раскопанных в Днестровско-Прутском междуречье (Маркевич 1981: 76). В. И. Маркевич подробно рассматривает конструктивные особенности и воссоздает ход строительства трипольских жилищ этого региона, доказывает двухэтажность неко-

торых домов и предлагает ряд графических реконструкций этих построек, подробно описывает интерьер жилищ. Однако проблема воздействия пожаров, несмотря на несомненность свидетельств их существования, опять лишь вскользь упоминается В. И. Маркевичем (Маркевич 1981: 23, 37, 83, 85). И только в разделе, посвященном хозяйству трипольских племен Днестровско-Прутского междуречья, В. И. Маркевич пишет, что трипольцы «по мере истощения почв вокруг поселения и, видимо, с завершением календарного цикла продолжительностью около 50 лет, покидали свои поселения, принося их в жертву огню, и создавали новые на других землях» (Маркевич 1981: 139). В следующей публикации, подробно обосновывающей взгляды В. И. Маркевича уже на трипольское домостроительство в целом, пожар упоминается только в контексте проблемы доказательства существования двухэтажных домов (Маркевич 1990). Таким образом, в перечисленных выше работах В. И. Маркевича отсутствует аргументированное объяснение действия огня на конструкции жилищ и инвентарь, придавая некую незавершенность его построениям.

Оформление идей В. И. Маркевича, связанных с домостроительством, в новую концепцию интерпретации площадок, было осуществлено К. В. Зиньковским. При этом следует упомянуть, что К. В. Зиньковский всегда отмечал, что именно В. И. Маркевич первым высказал идею о двухэтажности трипольских жилищ. Сам В. И. Маркевич полагал, что экспериментальные исследования К. В. Зиньковского произведены после «проведенной мной (В. И. Маркевичем — Н. Б.) в его присутствии расшифровки остатков жилищ на поселениях Раковец и Варваровка VIII» (Маркевич 1990: 50). Представляется, что эта «расшифровка» стала катализатором процесса осмысления К. В. Зиньковским гипотез о трипольском домостроительстве.

В 70-е годы XX столетия выходят лишь две вышеупомянутые публикации В. И. Маркевича, в которых кратко упоминается о потолочных и межэтажных перекрытиях домов на поселениях Варваровка VIII и Варваровка XV. В тот же период, наиболее продуктивный в творческой биографии К. В. Зиньковского, выходит и несколько его работ, специально посвященных домостроительству отдельных памятников и всестороннему обоснованию новой интерпретации площадок (Зиньковский 1972; 1972а; 1973; 1975; 1976; Зиньковский, Зиньковская 1974; 1975; 1975а; Шмаглій, Дудкін, Зиньковский 1973).

Таким образом, узкий региональный подход, свойственный исследованиям домостроительства В. И. Маркевичем, расширяется у К. В. Зиньковского до глобальных (в пределах Триполюады) масштабов, а новая интерпретация площадок получает оформление в виде новой концепции домостроительства Триполья: концепции Маркевича-Зиньковского.

В современной историографии по проблеме трипольского домостроительства порой незаслуженно забывается вклад в эту проблематику Е. К. Черныш, хотя именно благодаря ее научному авторитету новая концепция получила право на существование. Тем более что К. В. Зиньковский, работая в Раковце, был ее непосредственным учеником (Бурдо 2012: 69—71).

Из приведенных выше фактов следует, что у истоков новой концепции трипольского домостроительства, активно разрабатывавшейся в 70-е годы, стояли ученые из различных научных центров трех союзных республик, которые принимали участие в совместной археологической экспедиции, собравшей представителей Москвы, Кишинева и Одессы. В наши дни такой проект по праву именовался бы международным. Как бы там ни было, но К. В. Зиньковский оказался транслятором новых идей в среде украинских археологов, что не удивительно, учитывая, что на территорию Украины приходится большинство известных памятников Триполья. Кроме того, здесь, начиная с последних десятилетий XX столетия и по сей день, сосредоточена большая часть специалистов-трипольцев. Многие из них апробировали идеи В. И. Маркевича в ходе собственных полевых исследований и убедились в его правоте.

Вследствие этого, новые принципы интерпретации трипольских площадок нашли отклик у большинства специалистов и получили большое распространение, а концепция Маркевича-Зиньковского довольно широко внедрилась в практику реконструкции трипольских жилищ (Бурдо 2011). Особое значение имело приглашение К. В. Зиньковского участвовать в работах в Майданецком (1971—1980), где, благодаря ему, с новой концепцией интерпретации «площадок» ознакомилось большое количество сотрудников экспедиции, впоследствии широко применивших ее на практике (С. Н. Рыжов, В. А. Шумова, М. Ю. Видейко и др.). В результате уже к началу 90-х годов XX века приверженцы концепции Кричевского-Пассек (Колесников 1993; Корвин-Пиотровский, Шатило 2008) оказались в явном меньшинстве.

Важной заслугой К. В. Зиньковского является углубленная разработка общей методологии исследования домостроительства, позволяющая целенаправленно и всесторонне привлечь все возможные источники (Зиньковский 1976; 1983).

К. В. Зиньковский исследовал не только строительство, но и разрушение трипольских построек под действием огня (Зиньковский 1976).

Для изучения проблемы трипольского домостроительства К. В. Зиньковским была выработана всеобъемлющая программа, хотя следует отметить, что не все ее направления были осуществлены в должной мере. Программа предусматривала комплексный подход к изучению трипольских памятников (Зиньковский 1990), выделение определенных уровней исследования, включала усовершенствование методов полевой и кабинетной работы, привлечение данных этнографии, изучение строительных норм, социологические реконструкции, а также экспериментальное моделирование (Зиньковский 1982).

Целенаправленное изучение проблем трипольского домостроительства обусловило значительный вклад К. В. Зиньковского в оформление новой концепции интерпретации площадок. Представляется необходимым остановиться на анализе этого исследования, нашедшего отражение в его статьях и диссертации.

Полевые исследования К. В. Зиньковского в Александровке и Майданецком были направлены как на поиски аргументации для подтверждения правильности новой интерпретации площадок, так и на усовершенствование методики полевого исследования остатков трипольских домов. Именно последнее обстоятельство объясняет замедленные темпы раскопок объектов. В Александровке, за восемь полевых сезонов был открыт только один жилой комплекс. В Майданецком, где раскопами руководило несколько специалистов, за семь сезонов исследовано три жилищно-хозяйственных комплекса, правда, один из них — комплекс «Ж» — состоял из пяти площадок, перекрытых курганом. Сведения об этих исследованиях, равно как и сопутствующие им методические поиски, изложены в публикуемой им диссертации К. В. Зиньковского.

К. В. Зиньковский уделял большое внимание разработке общей методологии исследования проблемы домостроительства, включая как усовершенствование полевой методологии, так и различные методы «кабинетного исследования» (Зиньковский 1976; 1983).

Методические усовершенствования раскопок предполагали значительное расширение исследуемой площади за пределы залегания обожженной глины в поисках необожженных глиняных конструкций стен, оставление нескольких бровок для изучения разрезов, а также углубленную фиксацию. В пакет полевой документации входили планы местонахождения отпечатков дерева на глине для каждого слоя напластований, послойные планы находок, фотоплан площадки с нивелировочными отметками, а если она состояла больше чем из одного слоя обожженной глины с отпечатками дерева, то отдельный фотоплан составлялся для каждого слоя.

Постоянные поиски следов и остатков стен трипольских домов являлись особым, весьма разросшимся, сюжетом в исследованиях К. В. Зиньковского. Предположение о характере стен трипольских жилищ было высказано им на основании наблюдений над современной народной глинобитной архитектурой. Исходя из этих наблюдений, от необожженных глинобитных стен могли остаться только невысокие, оплывшие основания. Их следы в виде «уплотненного грунта» или «пятен осветленного грунта» и пытался найти К. В. Зиньковский в многочисленных разрезах, а также с помощью горизонтальных зачисток. Читались такие пятна слабо, поэтому достоверность выявления следов стен большинству специалистов представлялась невысокой. Однако В. И. Круц отмечал в свое время для некоторых жилищ на поселении Тальянки наличие следов капитальных глинобитных стен, когда *«размывы стен в виде слоев осветленного грунта фиксировались в ряде случаев в стенках раскопов»* (Круц 1990: 47).

Впоследствии В. А. Круц предположил, что стены первого этажа построек в Тальянках представляли собой деревянный сруб, а второго — плетеный каркас, обмазанный глиной (Круц 2008: 52—53). В. И. Маркевич реконструировал для жилищ с поселений севера Молдавии стены в виде плетня, обмазанного глиной, основываясь на остатках таких конструкций, выявленных при раскопках некоторых построек (Маркевич 1981: 77—80). Предполагается и каркасно-столбовая конструкция стен конкретных трипольских построек (Відейко 2000: 28). Предложенные разными авторами варианты конструкции стен конкретных построек не исключают возможности существования глинобитных стен, однако мнение К. В. Зиньковского о повсеместном распространении именно такого типа стен на трипольских поселениях представляется нам ошибочной абсолютизацией.

К. В. Зиньковский на основании открытых им в Александровке (Зиньковский 1976: 42) и Майданецком остатков глинобитных стен предложил реконструкцию сложной горизонтальной планировки построек (Зиньковский 1982: 29—30).

Следует отметить, что практика оставления многочисленных бровок оказалась неприменимой при исследовании площадок. Во-первых, значительная часть объекта оставалась под бровками и терялась информация о завале обожженной глины в целом. Во-вторых, ограниченные бровками участки раскопа порой превращались в бассейны, заполненные дождевой водой, и требовали неоднократной зачистки. Учитывая эти неудобства, в дальнейшем бровки не оставлялись, хотя многочисленные разрезы фиксировались в процессе разборки площадки.

Особый интерес среди методических разработок К. В. Зиньковского представляют сделанные им наблюдения относительно особенностей строительства и разрушения современных глинобитных построек, а также экспериментальное моделирование (Зиньковский 1976; 1982).

В конечном итоге, применение всех упомянутых методов позволило К. В. Зиньковскому предложить новую концепцию трипольского домостроительства, основанную на идеях В. И. Маркевича. Остановимся на основных положениях концепции Маркевича-Зиньковского.

Объекты в виде площадок, представляющие собой напластования обожженной глины с включениями различных находок, являются остатками перекрытий домов с вертикальным развитием. Каждый слой обожженной глины с отпечатками деревянных конструкций соответствует перекрытию постройки. Таким образом, в зависимости от наличия таких слоев и находок под ними, реконструируется жилище с межэтажными или чердачным перекрытиями в виде деревянного настила, уложенного на продольные стены и обмазанного достаточно мощным слоем глины с растительной примесью. Стены были глинобитными и представлены только следами в разрезах.

Четкая фиксация месторасположения всех находок, в первую очередь развалов сосудов, на слоях глины, под ними или среди обломков перекрытий, а также остатков интерьера позволяет установить размещение бытового инвентаря и деталей интерьера в доме.

Установлено наличие нескольких помещений и определенная группировка деталей интерьера, сосудов и других находок на раз-

ных этажах. Сложная горизонтальная и вертикальная планировка построек и наличие разнопланового инвентаря свидетельствуют о разной функциональности отдельных помещений, что позволяет рассматривать трипольские дома как жилищно-хозяйственные комплексы, сочетающие жилые и хозяйственные функции.

Трипольские поселения строились по единому плану, за короткий промежуток времени. Наблюдается определенная группировка построек.

Обжиг глиняных конструкций и инвентаря, достигающий иногда температуры в 1000 ° по Цельсию, свидетельствует о преднамеренном сожжении домов, которое происходило одновременно, то есть сжигалось все поселение. Сожжение поселений обусловлено циклическим ритуалом, за которым стоял практический смысл — истощение земельных ресурсов вокруг поселка в ходе экстенсивного земледелия и, соответственно, необходимость переселения его жителей.

Планировка трипольских жилищ и поселений, обеспечивающая достаточно высокую их обороноспособность, свидетельствует о консолидации семей и характерна для народов с патриархальной клановой системой. Высокий уровень строительной техники, сложная планировка построек и поселения в целом позволяет предполагать высокий уровень материального благосостояния и прогрессивное развитие общественных отношений.

Сравнение двух концепций трипольского домостроительства показывает, что они различаются не только деталями реконструкции построек, вытекающими из разной интерпретации площадок. В соответствии с концепцией Кричевского-Пассек, трипольские жилища были многокамерными домами, в которых обитали парные семьи. Такие дома составляли родовые поселки матриархального общества, что соответствует стадии расцвета родового строя. Исходя из концепции Маркевича-Зиньковского, реконструируются сложные жилищно-хозяйственные комплексы, патриархальная семья, оборонные структуры поселений, идеологическое единство — отражающие признаки ранних комплексных обществ (вождеств), соответствующих периоду разложения первобытнообщинного строя.

Очевидно, что новая концепция домостроительства вполне созвучна современному определению трипольского общества как раннего комплексного (Массон 2000) и представлениям о высоком уровне культурных дости-

жений трипольской древнеземледельческой цивилизации, знаменующих переходный этап социального развития.

Встречающиеся в литературе отдельные попытки интерпретировать площадки разных памятников с точки зрения правильности обеих концепций (Овчинников 2002: 116—117) представляются ошибочными в силу изначальной несостоятельности концепции Кричевского-Пассек, на что неоднократно обращали внимание В. И. Маркевич (Маркевич 1990) и К. В. Зиньковский (Зиньковский 1975; 1983).

Содержательный анализ старой и новой концепций (Бурдо 2010: 36—37) показывает несостоятельность попыток доказать непреходящую актуальность концепции Кричевского-Пассек, а тем более утверждать, что она может быть «дополнена» элементами новой концепции. Механическое смешение представлений о конструкции постройки, изъятых из двух разных моделей интерпретации площадок, представляется непродуктивным. В то же время, такой подход можно рассматривать как сдачу позиций сторонниками старой концепции трипольского домостроительства (Корвін-Піотровський 2012: 64—65).

Трудно спорить с тем утверждением, что «новая» (насчитывающая уже около 40 лет!) концепция трипольского домостроительства нуждается в «дальнейшей разработке», однако именно с ее позиций можно убедительно показать ошибочность многих моментов интерпретации площадок по старой концепции. При сравнении основных положений обеих концепций домостроительства нужно подчеркнуть, что, по сути дела, речь идет не просто о разнице в предполагаемом количестве этажей (как это иногда пытаются представить сторонники концепции Кричевского-Пассек), а о принципиально противоположных подходах к интерпретации найденных остатков трипольских строений.

Совпадает только интерпретация площадок как остатков глиняных конструкций с деревянными настилами. Однако, в соответствии со старой концепцией, настилы укладывались на землю, обжигались кострами и становились полами жилищ. В соответствии с новой концепцией, обмазанные глиной деревянные настилы укладывались на стены и представляли собой перекрытия домов и, соответственно, полы второго этажа или чердаки построек, сожженных в ритуальном пожаре.

Современные взгляды румынских археологов на строение жилищ культуры Кукутень

в определенном смысле объединяют старую (настилы на земле) и новую (ритуальное сожжение) концепции домостроительства трипольской культуры, поскольку кукутенские жилища реконструируются как глинобитные постройки с полом в виде деревянного настила, обмазанного глиной («платформа»), сожженные преднамеренно с дополнительной загрузкой топлива в ходе ритуала. Однако, как сторонники старой концепции, так и румынские коллеги, игнорируют неоднократно доказанный факт (подтвержденный, в том числе, и весьма обстоятельными и неоднократно повторенными экспериментами, проведенными самими румынскими археологами) невозможности получить высокотемпературный обжиг глиняного настила, уложенного на землю (Бурдо 2007: 34—36; Cotiugă 2009: 322—324). В то же время, экспериментальное моделирование процессов создания и разрушения жилищ культуры Кукутень позволяет утверждать, что залегание обмазки, соответствующее облику кукутенских «платформ», могло возникнуть только при сожжении домов с полом в виде деревянного настила, обмазанного глиной, уложенного на лежни, то есть, приподнятого над поверхностью земли (Raczky 1982—1983). Реконструкция построек с полом в виде настила, слегка приподнятого над землей, была

предложена в свое время и для некоторых трипольских объектов (Бурдо 2010: 40).

Идея о ритуальном сожжении трипольских поселений вполне соотносится с присутствием сожженных домов в различных других европейских неолитических древнеземледельческих культурах (Burdo 2011: 363—365). Именно в Триполье-Кукутень этот обряд нашел наиболее масштабное и яркое воплощение, хотя об этом мало известно нашим западным коллегам (Chapman 1999). В то же время, уже более тридцати лет ритуальное сожжение домов рассматривается в качестве одного из явлений сакрального порядка в жизни древнеземледельческих племен VI—IV тыс. до н. э. (Chapman 1999; Raczky 1982—83; Stevanovic 1997).

В последние десятилетия идеи, заложенные в новой концепции домостроительства Триполья, созданной В. И. Маркевичем и К. В. Зиньковским, нашли, в той или иной степени, отражение в результатах многочисленных полевых исследований, а также в публикациях, посвященных исследованию трипольских жилищ. Поэтому представляется интересным возвращение к истокам ее формирования и анализ научного вклада каждого из ее создателей, а публикация труда К. В. Зиньковского достаточно актуальна.

Литература

- Беляшевский Н. Ф. 1900. Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодистого Звенигородского уезда, Киевской губернии. *Археологическая летопись Южной России* II, 148—155.
- Бурдо Н. Б. 2006. В. В. Хвойко і дослідження трипільської цивілізації. *Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки* II. Київ: Академперіодика, 7—27.
- Бурдо Н. Б. 2007. Реконструкція будівель трипільської культури. Методика та концепції. В: Кот С., Відейко М. (ред.). *Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст. До 100-річчя із дня народження О. Ольжича*. Київ: Спадщина ЛТД, 29—45.
- Бурдо Н. Б. 2010. Дослідження духовного світу трипільців у працях Вікентія Хвойки. В: Конвалюк Н. В., Відейко М. Ю. (ред.). *Науково-дослідницька та просвітницька діяльність В. Хвойки. До 160-річчя з дня народження*. Матеріали науково-практичної конференції. Трипільля, 27—41.
- Бурдо Н. Б. 2011. Реконструкція жилищ і поселень трипольської культури: от рисунков В. Хвойки до 3D-моделирования. *Археологія і давня історія України* 5, 38—52.
- Відейко М. Ю. 2004. Трипільська експедиція Інституту історії матеріальної культури. В: Відейко М. (гл. ред.) *Енциклопедія трипільської цивілізації* II. Київ, 541.
- Вовк Ф. К. 1905. Вироби передмікенського типу в неолітичних становищах на Україні: Відчит на міжнар. археологічному конгресі 1900 р. у Парижі. *Матеріали до українсько-руської етнології* 6, 1—27.
- Зиньковский К. В. 1972. Некоторые итоги раскопок раннетрипольского поселения Александровка. *Тези доповідей XV наукової конференції ІА АН УРСР*. Одеса, 92—95.
- Зиньковский К. В. 1972а. Трипольские площадки и их интерпретация. *Тез. докл. на секциях [плenumа], посвященных итогам полевых исследований 1971 г. ИА АН СССР*. Москва, 55.
- Зиньковский К. В. 1973. Новые данные о реконструкции трипольских жилищ. *СА* (1), 137—149.
- Зиньковский К. В. 1975. До проблем трипільського житлобудування. *Археологія* 15, 13—22.
- Зиньковский К. В. 1976. О методах изучения домостроительства племен трипольской культуры. *МАСП* 8, 36—49.
- Зиньковский К. В. 1982. Значение моделирования в исследовании остатков построек на поселениях трипольской культуры. В: Ванчугов В. П., Дзис-Райко Г. А. (ред.). *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 19—32.
- Зиньковский К. В. 1983. К процедуре исследования проблемы домостроительства трипольских племен. В: Дзис-Райко Г. А. (ред.) *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 16—22.
- Зиньковский К. В. 1990. К итогам комплексного исследования трипольских памятников. *Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской*

- культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки; Веселый Кут; Майданецкое, 73—76.
- Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б. 1974. Поселение Александровка. *АО 1973 г.*, 278—279.
- Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б. 1975. Раскопки раннетрипольского поселения Александровка. *АО 1974 г.*, 281—282.
- Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б. 1975а. Раннетрипольское поселение Александровка в свете новых исследований. *150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф.* Киев: Наукова думка, 48—50.
- Зиньковская Н. Б., Зиньковский К. В. 1980. К вопросу о стратиграфии раннетрипольского поселения Александровка. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя*. Киев: Наукова думка, 27—41.
- Зиньковский К. В., Полищук Л. Ю. 1980. Новые данные о памятниках среднего и позднего триполья на Одещине. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя*. Киев: Наукова думка, 63—70.
- Кандиба О. 1937. Досліди на Галицькому Поділлі в рр. 1928 та 1929. *Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка* 154, 1—14.
- Кандиба О. 2007. Досліди на Галицькому Поділлі в рр. 1928 та 1929. В: Веремійчик О. (гл. ред.). *Ольжич. Археологія*. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 335—345.
- Колесніков О. Г. 1993. Трипільське домобудівництво. *Археологія* (3), 63—74.
- Корвін-Пиотровський О. Г. 2012. Проблема формування культурного шару в контексті дослідження трипільського домобудування. В: Отрощенко В. В., Круц В. А., Гладких М. И., Скакун Н. Н., Цвек Е. В. (ред.). *Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы. Новые открытия, гипотезы*. Киев; Санкт-Петербург, 62—66.
- Корвин-Пиотровський А., Шатило Л. 2008. К вопросу об экспериментальном моделировании трипольских построек Томашевской группы. В: Корвин-Пиотровський А. Г., Менотти Ф. (ред.). *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*. Киев: Корвін Пресс, 192—198.
- Круц В. А. 1990. Планировка поселения у с. Тальянки и некоторые вопросы трипольского домостроительства. *Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полевого семинара*. Тальянки; Веселый Кут; Майданецкое, 43—47.
- Круц В. А. 2008. Поселение-гигант Тальянки. В: Корвин-Пиотровський А. Г., Менотти Ф. (ред.). *Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки*. Киев: Корвін Пресс, 49—70.
- Маркевич В. И. 1964. Трипольское поселение Варваровка. *Тезисы докладов Первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР и РНР*. Кишинев, 15—16.
- Маркевич В. И. 1970. Исследования Молдавской неолитической экспедиции. *АО 1969 г.*, 348—349.
- Маркевич В. И. 1972. Итоги полевых работ, произведенных в 1969 г. Молдавской неолитической экспедицией. *АИМ 1968—1969*, 49—64.
- Маркевич В. И. 1981. *Позднетрипольские племена Северной Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Маркевич В. И. 1990. Домостроительство племен культуры Триполье-Кукутень. *Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полевого семинара*. Тальянки; Веселый Кут; Майданецкое, 47—51.
- Массон В. М. 2000. Ранние комплексные общества Восточной Европы. *Археологические изыскания* 63, 135—166.
- Овчинников Е. В. 2002. До питання про трипільське житлобудівництво (за результатами розкопок поселень хутір Незаможник і Зелена Діброва). *Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка* 244, 115—139.
- Пассек Т. С. 1949. *Периодизация трипольских поселений*. МИА СССР 10. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Пассек Т. С., Кричевский Е. Ю. 1946. Трипольское поселение Коломыйщина (опыт реконструкции). *КСИИМК XII*, 14—22.
- Черняков І. Т. 2004. Зіньковський Костянтин Володимирович. В: Відейко М. Ю. (ред.). *Енциклопедія трипільської цивілізації II*. Київ, 185—186.
- Хвойка В. В. 1901. Каменный век Среднего Поднепровья. *Труды XI археологического съезда в Киеве в 1899 г.* 1, 730—812.
- Шмаглій М. М., Дудкін В. П., Зіньковський К. В. 1973. Про комплексне вивчення трипільських поселень. *Археологія* 10, 23—31.
- Burdo N. 2011. Late Neolithic cultural elements from the Danube and Carpathian regions of Precucuteni — Trypillia A culture. *Documenta Praehistorica XXXVIII*, 357—382.
- Chapman J. 1999. Burning the ancestors: deliberate house-firing in Balkan Prehistory. In: Gustafsson A., Karlsson H., Nordbladh J. (eds.). *Glifer och arkeologiska rum: en vänbok till Jarl Nordbladh*. Göteborg: Göteborg University, 113—126.
- Kozłowski L. 1930. *Budowle kultury ceramiki malowanej w świetle badań przeprowadzonych w Koszylowcach, Niewiskach i Buczaczu*. Lwów: T.P.N.P.
- Przybysławski W. 1879. Ustęp z poszukiwań archeologicznych w Horodnicy nad Dniestrem dokonanych w r. 1878. *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej III*, 20—73.
- Raczky P. 1982—1983. Origins of the custom of burying the dead inside houses in South-East Europe. *Szólnok Megyei Múzeumi Évkönyve (1982—1983)*, 5—10.
- Stevanović M. 1997. The Age of Clay: The Social Dynamic of House Destruction. *Journal of Anthropological Archaeology* 16, 334—395.

References

- Beliashevsky, N. F. 1900. In *Arkheologicheskaja letopis' Iuzhnoi Rossii (Archaeological chronicle of Southern Russia)* II, 148—155 (in Russian).
- Burdo, N. B. 2006. In *Doslidzhennya trypil's'koї tsyvilizatsії u naukovij spadshchyni arkeoloha Vikentija Khvojky (Researches in the Cucuteni-Tripolye culture and the scientific legacy of the archaeologist Vikenty Khvoyka)*, Part II. Kiev: Akadempriodyka, 7—27 (in Ukrainian).
- Burdo, N. B. 2007. In *Trypil's'ka kul'tura. Poshuky, vidkryttja, svitovij kontekst. Do 100-richchya iz dnya narodzhennya O. Ol'zhycha (Trypillia culture. Research, discoveries, world context. To the anniversary of 100 years from the birth of O. Olzhych)*. Kiev: Spadshchyna LTD, 29—45 (in Ukrainian).
- Burdo, N. B. 2010. In *Naukovo-doslidnyts'ka ta prosvitnyts'ka diyal'nist' V. Khvojky. Do 160-richchya z dnya narodzhennya (The scientific, research and educational activity of V. Khvoyka. To the anniversary of 160 years from the date of birth)*. Tripolye, 27—41 (in Ukrainian).
- Burdo, N. B. 2011. In *Arkheolohiya i davnja istoriya Ukraїny (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 5, 38—52 (in Russian).
- Videyko, M. Yu. 2004. In *Entsyklopediya trypil's'koї tsyvilizatsії (The Encyclopedia of the Tripolian Civilization)* II. Kiev, 541 (in Ukrainian).
- Vovk, F. K. 1905. In *Materialy do ukrains'ko-rus'koї etnolohії*

№2. 2013

- (Materials for the Ukrainian and Russian Ethnology) 6, 1—27 (in Ukrainian).
- Zinkovsky, K. V. 1972. In *Tezy dopovidej XV naukovoї konferentsii IA AN URSR (Abstracts of the reports from the XV scientific conference of IA AN URSR)*. Odessa, 92—95 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V. 1972a. In *Tezisy dokladov na sektiakh [plenuma], posviashchennykh itogam polevykh issledovaniı 1971 g. IA AN SSSR (Abstracts of the reports from the [plenary] sections on the results of field research in 1971, IA AN SSSR)*. Moscow, 55 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V. 1973. In *Sovetskaia Arheologiya (Soviet Archaeology) (1)*, 137—149 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V. 1975. In *Arkheolohiya (Archaeology) 15*, 13—22 (in Ukrainian).
- Zinkovsky, K. V. 1976. In *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomoria (Materials on the archaeology of Northern Pontic area) 8*, 36—49 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V. 1982. In *Arkheologicheskie pamiatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Archaeological sites of the North-western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 19—32 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V. 1983. In *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomoria (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)*. Kiev: Naukova dumka, 16—22 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V. 1990. In *Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine (Early agrarian giant settlements of the Tripolye culture in Ukraine)*. Talyianki; Veselyi Kut; Maidanetskie, 73—76 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V., Zinkovskaia, N. B. 1974. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 g. (Archaeological discoveries in 1973)*, 278—279 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V., Zinkovskaia, N. B. 1975. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g. (Archaeological discoveries in 1974)*, 281—282 (in Russian).
- Zinkovsky, K. V., Zinkovskaia, N. B. 1975a. In *150 let Odesskomu arheologicheskomu muzeiu AN USSR (Anniversary of 150 years to Odessa Archaeological Museum of AN USSR)*. Kiev: Naukova dumka, 48—50 (in Russian).
- Zinkovskaia, N. B., Zinkovsky, K. V. 1980. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v epokhu pervobytno-obshchinnogo stroia (North-Western Pontic region in the epoch of the primitive communal order)*. Kiev: Naukova dumka, 27—41 (in Russian).
- Kandyba, O. 1937. In *Zapysky naukovoho tovarystva im. T. H. Shevchenka (Proceedings of the scientific society "T. H. Shevchenko") 154*, 1—14 (in Ukrainian).
- Kandyba, O. 2007. In *O. Ol'zhych. Arkheolohiya (O. Olzhych. Archaeology)*. Kiev: Vydavnytstvo imeni Oleny Telihy, 335—345 (in Ukrainian).
- Korvin-Piotrovskii, A. G. 2012. In *Zemledel'tsy i skotovody Drevnei Evropy. Problemy. Novye otkrytiia, gipotezy (The farmers and stock-breeders of Ancient Europe. Problems. New discoveries. Hypotheses)*. Kiev; Sankt-Peterburg, 62—66 (in Ukrainian).
- Korvin-Piotrovskii, A., Shtilo, L. 2008. In *Tripol'skaia kul'tura v Ukraine. Poselenie-gigant Tal'ianki (Tripolye culture in Ukraine. Talyianki giant settlement)*. Kiev: Korvin Press, 192—198 (in Russian).
- Kruts, V. A. 1990. In *Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine (Early agrarian giant settlements of the Tripolye culture in Ukraine)*. Talyianki; Veselyi Kut; Maidanetskie, 43—47 (in Russian).
- Kruts, V. A. 2008. In *Tripol'skaia kul'tura v Ukraine. Poselenie-gigant Tal'ianki (Tripolye culture in Ukraine. Talyianki giant settlement)*. Kiev: Korvin Press, 49—70 (in Russian).
- Markevich, V. I. 1964. In *Tezisy dokladov Pervogo simpoziuma po arheologii i etnografii Iugo-Zapada SSSR i RNR (Abstracts of the reports from the First Symposium in the archaeology and ethnography of South-Western URSS and RNR)*. Kishinev, 15—16.
- Markevich, V. I. 1970. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1969 g. (Archaeological discoveries in 1969)*, 348—349 (in Russian).
- Markevich, V. I. 1972. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii 1968—1969 (Archaeological researches in Moldavia 1968—1969)*, 49—64 (in Russian).
- Markevich, V. I. 1981. *Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii (Late-Tripolyan tribes of the Northern Moldavia)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Markevich, V. I. 1990. In *Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine (Early agrarian giant settlements of the Tripolye culture in Ukraine)*. Talyianki; Veselyi Kut; Maidanetskie, 47—51 (in Russian).
- Masson, V. M. 2000. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies) 63*, 135—166 (in Russian).
- Ovchinnikov, E. V. 2002. In *Zapysky naukovoho tovarystva im. T. H. Shevchenka (Proceedings of the scientific society "T. H. Shevchenko") 244*, 115—139 (in Ukrainian).
- Passek, T. S. 1949. *Periodizatsiia tripol'skikh poselenii. Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR 10 (Periodization of Tripolye settlements. Materials and researches on the archaeology of USSR 10)*. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR (in Russian).
- Passek, T. S., Krichevskii E. Yu. 1946. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences) XII*. Moskva; Leningrad, 14—22 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 2004. In *Entsyklopediia trypil's'koi tsyvilizatsii (The Encyclopedia of the Trypillian Civilization)*. Vol. II. Kiev, 185—186 (in Ukrainian).
- Khvoyka, V. V. 1901. In *Trudy XI arheologicheskogo s'ezda v Kieve v 1899 godu (Proceedings of the XI Archaeological Convention in Kiev in 1899) 1*, 730—812 (in Russian).
- Shmaglii, N. M., Dudkin, V. P., Zinkovsky, K. V. 1973. In *Arkheolohiya (Archaeology) 10*, 23—31 (in Ukrainian).
- Burdo, N. 2011. Late Neolithic cultural elements from the Danube and Carpathian regions of Precucuteni — Trypillia A culture. *Documenta Praehistorica XXXVIII*, 357—382.
- Chapman, J. 1999. Burning the ancestors: deliberate housefiring in Balkan Prehistory. In: Gustafsson A., Karlsson H., Nordbladh J. (eds.). *Glifer och arkeologiska rum: en vänbok till Jarl Nordbladh*. Göteborg: Göteborg University, 113—126.
- Kozłowski, L. 1930. *Budowle kultury ceramiki malowanej w świetle badań przeprowadzonych w Koszówkach, Niezwałkach i Buczaczu*. Lwów: T.P.N.P.
- Przybysławski, W. 1879. Ustęp z poszukiwań archeologicznych w Horodnicy nad Dniestrem dokonanych w r. 1878. *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej III*, 20—73.
- Raczky, P. 1982—1983. Origins of the custom of burying the dead inside houses in South-East Europe. *Szölnök Megyei Múzeumi Évkönyve (1982—1983)*, 5—10.
- Stevanović, M. 1997. The Age of Clay: The Social Dynamic of House Destruction. *Journal of Anthropological Archaeology 16*, 334—395.

Статья поступила в номер 30 ноября 2011 г.

Nataliia Burdo (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Nataliia Burdo (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Ucrainei.

Бурдо Наталия Борисовна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: nbburdo@gmail.com

Address: ¹ Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine